

ВМІСТЕ ІНЭІНЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколiнь – Хэсэд Дорот”

Издаётся с декабря 2000 года.

Сиван/Таммуз 5780 июнь 2020

Пост 17 Таммуза

Пост 17 Таммуза – один из четырёх постов, установленных в память о разрушении Иерусалимского Храма, наряду с постом Гедальи (3 Тишрея), постом 10 Тевета и 9 Ава.

Дата события уникальна для каждого года. В 2020 г. это 9 июля. Траурный пост 17 Таммуза связан с тем, что 10 Тевета вавилонский царь Навуходоносор II начал осаду Иерусалима, а 17 Таммуза его солдаты проломили городскую стену. Это стало началом конца еврейского государства. Тремя неделями позже, 9 Ава, наступила трагическая развязка событий: был сожжён Храм. Талмуд называет пять бедствий, случившихся в этот день...

В 2448 г. от сотворения мира, в год Исхода из Египта, всего через 40 дней после получения Торы на горе Синай, евреи построили Золотого Тельца, совершив тяжкий грех идолопоклонства. А 17-го Таммуза Моше, спустившийся с Синая со скрижалями завета, увидев литое изваяние тельца и евреев, пляшущих вокруг него, не смог удержать скрижали в руках – они упали и разбились... И хотя Моше всё же сумел вымолить у Б-га прощение заблудшему народу, но этот день так и остался несчастливым днём, ибо грех не был искуплен полностью.

Почти через 900 лет сыны Израиля, живущие в Земле Обетованной, снова отступили от заповедей, забыли Тору. Они поклонялись идолам, проливали человеческую кровь, что является прямым нарушением заповедей. Были и другие, менее явные прегрешения. И в 3336 г. Иерусалим был осаждён вавилонской армией. А 17-го Таммуза прекратились ежедневные жертвоприношения в Храме, из-за того, что невозможно было обеспечить доставку жертвенных животных, и это было признаком надвигающейся катастрофы. В 3338 г. был разрушен Первый Храм, потеряны земля и свобода...

Народ усвоил полученный урок, раскаялся и вновь, получив свободу и землю, восстановил Храм. И опять повторилась история – люди вновь стали забывать божественные законы и установления. Но теперь их грехи были менее явными, например, беспричинная ненависть. И в 3828 г., почти через 500 лет после разрушения Первого Храма, Иерусалим был осаждён. На этот раз римлянами. 17-го Таммуза римляне пробили стены Иерусалима и захватили город. И вновь за поражением последовали разрушение Храма и изгнание...

Чтобы увидеть, какой из этих грехов хуже, нужно просто обратить внимание на сроки изгнаний, которые последовали за разрушениями Храмов. Первое, вавилонское, изгнание длилось всего 70 лет, а второе изгнание длится уже больше девятнадцати столетий, и до сих пор не кончилось.

Причина, наверное, в том, что тот, кто совершает открытый, вопиющий грех, скорее может раскаяться. Скрытые же, внутренние пороки выважить гораздо труднее, потому от них тяжелее избавиться, а значит и наказание должно длиться дольше, чтобы постепенно привести к исправлению.

Поэтому 17-е Таммуза – второй из постов, установленных в память о разрушении Храма. В этот день была пробита брешь в стене Иерусалима во времена Второго Храма. При вавилонской осаде (во времена разрушения Первого Храма) стена Иерусалима была пробита 9 Таммуза, но чтобы не перегружать светский календарь траурными датами, было решено объединить траур по этим двум событиям. Кроме того, последствия гибели Первого Храма оказались для еврейского народа менее тяжёлыми.

В этот же день в 165 г. до н.э. Апостомос, наместник царя Антиоха, сжёг Тору, поняв, что самый верный путь поработить евреев – нанести удар их духовному достоянию. Сожжение Торы было началом гонений на еврейство и одной из главных причин восстания Маккавеев.

И, в-пятых, в этот день в Храме была водружена статуя идола. Согласно одной версии, это случилось в эпоху Второго Храма и тоже было одним из деяний Апостомоса. Согласно другой (версии Иерусалимского Талмуда), это совершил царь Иудеи Менаше, который правил в эпоху Первого Храма и „прославился” тем, что „затопил Иерусалим невинной кровью” и был идолопоклонником, превзошедшим всех своих предшественников.

Дни, заключённые между 17 Таммуза и 9 Ава считаются траурными. Эти три недели называются „Между теснин” или „Узкими неделями”. В эти дни запрещено слушать музыку, устраивать торжества, в том числе свадьбы, стричь волосы, покупать или надевать в первый раз новую одежду, не начинают кушать фрукты нового урожая.

Если 17 Таммуза выпадает на Шаббат, то пост переносится на следующий день – 18 Таммуза.

Традиция сообщает, что 17 Таммуза, в конце Потопа, Ной послал на землю голубя из ковчега посмотреть, ушли ли воды. „И голубь не нашёл пристанища для своей ноги”. Так же и народ Израиля, который уподобляется в Торе голубю, не может найти себе пристанища в этот суровый день.

Пророки постановили, что в те дни, когда наших предков постигали бедствия, следует поститься. Цель этой заповеди – пробудить сердца к раскаянию, напомнить о проступках наших предков, вызвавших эти бедствия, заставить нас задуматься о наших собственных проступках, вырвать нас из привычной колеи жизни и побудить вернуться ко Вс-вышнему, чтобы с новыми силами и с обновленным чувством исполнять Его заповеди.

Главное – это тшува (раскаяние, возвращение ко Вс-вышнему с целью исполнять Его заповеди), а пост – это подготовка к тшуве. Отсюда следует, что человек, который в дни постов ничего не ест и не пьёт, но проводит весь день в развлечениях – как бы не постится, он всего лишь худеет.

Пост 9 Ава отличается от остальных постов тем, что продолжается целые сутки, в то время как остальные посты – от рассвета до выхода звёзд. Поэтому в ночь, предшествующую общественному посту (кроме 9 Ава), можно кушать всё время, пока не заснули глубоким сном, пусть даже не в постели, а сидя за столом.

Пост 9 Ава отличается от остальных ещё и тем, что беременные женщины и кормящие матери, а также больные, жизни которых болезнь не угрожает, обязаны поститься в этот день. В прочие посты они освобождены от этой обязанности. Те, кому раввин разрешил не поститься, а также дети, которые уже понимают смысл поста, должны кушать в эти дни только самую простую пищу, и лишь в том количестве, которое необходимо для поддержания их здоровья.

По материалам еврейских сайтов.

Черкащина і Друга світова війна в документах державного архіву області

В історії кожного народу є не тільки світлі, а й трагічні дати. День 22 червня 1941 р. навіки закарбувався в нашій пам'яті – саме цього дня почалась війна, яка забрала близько 170 тис. мешканців Черкаського краю, в тому числі військовослужбовців, партизан, бійців народного ополчення, винищувальних батальйонів та мирних жителів.

Документальні матеріали Державного архіву Черкаської області, пов'язані з подіями Великої Вітчизняної війни, нині налічують понад 300 фондів, основу яких складають фонди райвиконкомів, районних планових комісій, сільрад, промислових підприємств, установ, організацій, колгоспів; у них сконцентровані документи періоду війни та відновлення народного господарства після визволення області від фашистської окупації. Джерельна база включає акти, довідки про збитки, що були нанесені народному господарству Черкащини, слогоди та особисті документи учасників Великої Вітчизняної війни; свідчення про кількість могил бійців, сержантів, офіцерів, партизан; списки військовослужбовців, які брали участь у Корсунь-Шевченківській битві; відомості про звільнення населених пунктів від загарбників: списки частин та з'єднань Радянської армії, що визволяли населені пункти Черкащини; вітальні листи з фронту; відомості про допомогу населення армії; списки громадян, які внесли гроші на будівництво танкової колони; відомості і списки військовослужбовців, котрі пропали без вісти, та громадян, які були замучені німецькими окупантами, а також тих, кого насильно вивезли до Німеччини; списки інвалідів війни, сімей загиблих; звіти і листування з райвиконкомами, військоматами про працевлаштування демобілізованих воїнів, надання допомоги сім'ям фронтників, влаштування дітей-сиріт у дитячі будинки та ін.

Окремий фонд складає колекція „Історичні довідки про найважливіші події Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр. в м. Черкаси і Черкаському районі”. Представлені невелика колекція розпорядчих документів німецьких владних структур, а також анкети, слогоди, довідки про злочинства підлеглих та вербування і вивезення до Німеччини на примусові роботи місцевих мешканців, список громадян м. Черкаси репатрійованих до Німеччини. У фонді Управління Служби безпеки в Черкаській області зберігається 30,6 тис. фільтраційних справ на 77,4 тис. осіб, вивезених на примусові роботи до фашистської Німеччини в період Великої Вітчизняної війни. У фонді „Листи радянських громадян, жителів Черкащини, які перебували на примусових роботах в Німеччині під час Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр.” зберігаються 11 677 листів радянських громадян, надісланих з фашистської Німеччини, сформованих у 207 справ. До цього фонду увійшли листи-слогоди про примусові роботи в Німеччині жителів Черкащини, які після закінчення війни повернулись на Батьківщину, та листи про примусові роботи у концтаборах та гетто на тимчасово окупованій території під час війни.

У державному архіві зберігаються періодичні видання, що друкувалися окупаційною владою українською мовою. Серед цих видань є „Українська думка” (Черкаси), „Корсунські вісті” (Корсунь), „Рідне слово” (Звенигородка), „Українське слово” та „Золотоноша”, „Українські новини” (Сміла), „Тальнівський вісник” (Тальне), „Уманський голос” та „Український голос” (Умань), які складають основу фонду „Видавництво „Українська думка”. У фонді міститься 73 справи, документи яких висвітлюють діяльність установи з вересня 1941 р. по вересень 1943 р.

Головним завданням перших місяців окупації було забезпечення установ, що утворювалися, печатками та штампами. Заяви на їх виготовлення та зразки відбитків зберігаються у цьому фонді. Ці документи дозволяють встановити час відновлення діяльності підприємств, установ, органів місцевого самоврядування, навчальних закладів, приватних майстерень, релігійних та громадських об'єднань, їх керівний склад та юридичні адреси.

Окрему частину фонду складають накази та оголошення місцевої влади. А саме: про світломаскування; про негайне інформування поліції про всіх підозрілих осіб; про обов'язкову здачу зброї, вибухівки, військового обмундирування та майна; про обов'язкову реєстрацію комуністів та євреїв; про обов'язкове переселення черкаських євреїв у зазначений район міста та відповідальність за вбивства „працівників нової влади” та спалення будинків. Саме цей наказ дозволяє документально встановити час заснування та місце розташування єврейського гетто.

У фонді зберігається багато інструкцій, які регламентували діяльність різних установ та життєвий устрій громадян; ціноутворення та податки; торгівля на ринках; комунальні правила та платежі; порядок видачі аусвайсів; правила керування велосипедами та ін. Для дослідників української поліції окупаційного режиму певний інтерес має інструкція про надання пілг сільським поліцаям та членам їхніх родин на випадок поранення або смерті годувальника.

Великий інтерес становлять оголошення, звернення, застереження із закликами до збору врожаю, виїзду до Німеччини, попередження про заборону самогонваріння, торгівлю „на міру”, а не „на вагу”, оголошення про проведення концерту та кіносеансу тільки для райхсдойча та ін. Підтримувалась критика радянського режиму у гострих памфлетах, висвітлення страхотів радянських в'язниць та концтаборів, розкуркулення, голодомор.

Багато місця у пресі відводилося інформуванню про місцеві події: відкриттю церков та відродженню релігійного життя, діяльності аматорських колективів. Друкувався новий антирадянський фольклор: думи про концтабори, голод, вірші про колгоспне життя, анекдоти, карикатури.

Широко висвітлення отримала підтримка місцевими цивільними органами радянських військовополонених. Газети друкували списки полонених, яких, з дозволу німецької влади, можна було забирати їх родичами додому. Для тих, хто залишався, збирали одяг і харчі, що зберегло життя багатьом людям.

Найбільш цінним джерелом є документи установ і організацій німецької окупаційної влади. Ці документи допомагають отримати більш повне уявлення про умови тогочасного життя населення, відображають широкий спектр подій, які відбувалися на окупованій території. Цікавими є документи місцевих органів влади: районних, сільських управ, дільничних уповноважених районних управ, відділів та управлінь районних управ, старостатів.

При районних управах також створювалися служби порятунку, функціями яких були: боротьба з партизанами, самогонварінням і спекуляцією, виявлення зброї і нелегальних зборів населення. Однак не завжди вони виконували свої головні функції. У фондах районних управ містяться документи, в яких йдеться про незадовільну роботу цих служб. Так, в розпорядженні начальника Чигиринської служби порятунку йдеться про те, що сільські служби проводять роботу, що не входить до їх компетенції: займаються збором наклепів, помстою, систематичним пияцтвом, залякуванням і безпідставними обшуками населення. За виявленням таких дій винним виносили догану, карали у вигляді штрафу в розмірі 200 крб. і звільняли з роботи. Згідно з наказами районних управ та жандармських постів, у населених пунктах була встановлена комендантська година – з 21⁰⁰ до 4⁰⁰ години, яка була обов'язковою до виконання і „направлена для забезпечення спокою населення та гарантування його приватної власності”. У вечірні та нічні часи проводилося затримання населених пунктів. У розпорядчих документах зазначалося, що „особи, які порушуватимуть наказ, будуть затримуватись і каратись штрафом або іншим покаранням, залежно від характеру порушення”.

У перші місяці окупації території, згідно розпорядженню гебітскомісара „Про порядок і заходи боротьби з бандитизмом”, німецькі комендатури почали збирати відомості про місцезнаходження та кількість поранених і хворих радянських солдат, складалися списки радянського активу з метою його знищення. Населення ж, яке надавало їм притулок, суворо каралося. При появі радянських літаків і парашутистів негайно вживались заходи для їх ліквідації. За кожного виявленого партизана або зазначення його місцеперебування видавалась премія. Німецькою владою вилучались у населення вогнепальна зброя і набої та знищувались листівки і газети, які закликали до партизанської боротьби та саботажу.

Місцеве населення боролось з німецькими загарбниками, завдаючи їм майну матеріальної шкоди. Про це (Окончання на стр.2)

Черкащина і Друга світова війна в документах державного архіву області

(Окончание. Начало на стр. 1)

свідчить плакат окупаційної влади, що зберігся у фонді „Суботівська сільська управа”, в якому йдеться про боротьбу із саботажниками, які „нищать місце праці”. Військове командування використовувало різні форми боротьби з опором населення. У численних наказах місцеві жителі застерігалися проти всіляких стосунків з „бандитськими зграями”, зобов'язувалися „пильно стежити за тим, аби на терені того чи іншого села не появлялись як окремі бандити, так і групи людей”, а в разі появи – „негаймо повідомляти про це відповідні сільські управи або начальників служби порятунку”. Попереджалося, що „люди, які порушують цей наказ будуть затримані ні-

мецькою жандармерією або поліцією і відправлені в робочі табори”. В оголошеннях німецького командування місцеве населення закликалося до співпраці із владою, його запевняли, що „бандити будуть знищені”.

За неповними даними на території краю окупаційною владою, каральними органами та їх посібниками закатовано і розстріляно 16 тис. мирного населення, понад 10 населених пунктів були повністю спалені і зруйновані за опір ворогові, саботаж заходів окупаційної влади, за надання допомоги, зв'язок і участь у підпільно-партизанському русі. Зокрема, 16 січня 1944 р. село Острівець Уманського району повністю спалено – 200 дворів, а 156 мешканців було розстріляно за зв'язок із партизана-

ми; хутір Буда Чигиринського району спалено 18 червня 1943 р. 82 особи розстріляно за надання допомоги партизанському загону „За перемогу”; хутори Вдовичин і Ленінський Чигиринського району спалено 19 жовтня 1943 р. і 466 осіб розстріляно за зв'язок з партизанами; селі Мельники спалено у жовтні 1943 р. – 352 двори і знищено 300 мешканців; у селі Вдовин Хутір спалено 140 дворів і розстріляно 409 мешканців. Така ж доля спіткала і села Будище Черкаського району, Шестеринці Лисянського району, хутір Павлопіль Маньківського району та ряд інших.

Певний інтерес становлять матеріали, що відтворюють події Корсунь-Шевченківської битви як одного із прикладів військової майстерності та масового героїзму ра-

дянських воїнів. Ця операція двох Українських фронтів була однією з найблисучіших в історії військового мистецтва.

У значній кількості фондів державного архіву області сконцентровані документи про бойові дії радянських військ та звільнення територій Черкаського краю від фашистських окупантів.

Велика перемога оплачена дорогою ціною – життям та зруйнованими долями мільйонів співвітчизників. Головне завдання нинішнього і майбутніх поколінь – творити правдивий літопис безсмертного подвигу нашого народу у Великій Вітчизняній війні задля збереження історичної пам'яті.

Клименко Т.А.,

кандидат історичних наук, директор Державного архіву Черкаської області.

Как печатали „Бабий Яр”

10 июня исполнилось 110 лет со дня рождения Валерия Косолапова. А кто такой этот Валерий Косолапов, почему я должен писать о нём, а вы читаете? Валерий Косолапов на одну ночь стал праведником, а если бы не стал, то мы бы не узнали поэму Евтушенко „Бабий Яр”. Косолапов был редактором „Литературной газеты”, которая 19 сентября 1961 года опубликовала эту поэму. И это был настоящий гражданский подвиг.

Ведь сам Евтушенко признавал, что эти стихи было легче написать, чем в ту пору напечатать. История написания связана с тем, что молодой поэт познакомился с молодым писателем Анатолием Кузнецовым, который и рассказал Евтушенко о Бабьем Яре. Евтушенко попросил Кузнецова отвести к оврагу, и был совершенно потрясён увиденным.

„Я знал, что никакого памятника там нет, но я ожидал увидеть какой-то памятный знак или какое-то ухоженное место. И вдруг я увидел самую обыкновенную свалку, которая была превращена в такой сэндвич дурнопахнущего мусора. И это на том месте, где в земле лежали десятки тысяч ни в чём неповинных людей: детей, стариков, женщин, на наших глазах подъезжали грузовики и сваливали на то место, где лежали эти жертвы, всё новые и новые кучи мусора”, – рассказывал Евтушенко.

Он спросил Кузнецова, почему вокруг этого места полный заговор молчания? Кузнецов ответил, потому что процентов 70 людей, которые участвовали в этих зверствах, это были украинские полиция, которые сотрудничали с фашистами, и немцы им предоставляли всю самую чёрную работу по убийствам невинных евреев.

Евтушенко был просто потрясён, как он говорил, так „устыжен” увиденным, что за одну ночь сочинил свою Поэму, и в эту ночь точно был праведником. Утром его навестили несколько поэтов во главе с Коротичем, и он читал им новые стихи, потом ещё звонил некоторым... кто-то „стукнул” киевским властям, и концерт Евтушенко хотели отменить. Но он не сдался и пригрозил скандалом. И в тот вечер впервые „Бабий Яр” прозвучал в зале.

„Была там минута молчания, мне казалось, это молчание было бесконечным. Маленькая старушка вышла из зала, прихрамывая, опираясь на палочку, прошла медленно по сцене ко мне. Она сказала, что она была в Бабьем Яру, она была одной из немногих, кому удалось вылезти сквозь мёртвые тела. Она поклонилась мне земным поклоном и поцеловала руку. Мне никогда в жизни никто руку не целовал” – вспоминал Евтушенко.

Потом Евтушенко пошёл в „Литературную газету”. Редактором её и был Валерий Косолапов, сменивший на этом

посту самого Твардовского. Косолапов слыл очень порядочным и либеральным человеком, естественно в известных пределах. Его партбилет был с ним, а иначе он никогда бы не оказался в кресле главреда. Косолапов прочёл стихи прямо при Евтушенко и с расстановкой сразу сказал, что стихи очень сильные и нужные.

– Что мы с ними будем делать? – размышлял Косолапов вслух.

– Как что? – сделал вид, что не понял Евтушенко. – Печатать.

Евтушенко прекрасно знал, что когда говорили „сильные стихи”, то сразу прибавляли: „но печатать их сейчас нельзя”. Косолапов посмотрел на Евтушенко грустно и даже с некоторой нежностью. Словно это было не его решение.

– Да. Он размышлял и потом сказал – ну, придётся вам подождать, посидеть в коридорчике. Мне жену нужно вызывать. Я спросил – зачем это жену надо вызывать? Он говорит – это должно быть семейное решение. Я удивился – почему семейное? А он мне – ну как же, меня же уволят с этого поста, когда это будет напечатано. Я должен с ней посоветоваться. Идите, ждите. А пока мы в набор направим.

Косолапов совершенно точно знал, что его уволят. И это означало не просто потерю той или иной работы. Это означало потерю статуса, выпадения из номенклатуры. Лишение привилегий, пайков, путёвок в престижные санатории...

Евтушенко заволновался. Он сидел в коридоре и ждал. Ожидание затягивалось, и это было невыносимо. Стихотворение моментально разошлось по редакции и типографии. К нему подходили простые рабочие типографии, поздравляли, жали руку. Пришёл старичок-наборщик. „Принёс мне чекушечку водки початую и солёный огурец с куском чернушки. Старичок этот сказал – держись, ты держись, напечатает, вот ты увидишь”.

А потом приехала жена Косолапова и заперлась с ним в его кабинете почти на час. Она была крупная женщина. На фронте была санитаркой, многих вынесла на своих плечах с поля боя. И вот эта гренадёрша выходит, подходит к Евтушенко: „Я бы не сказал, что она плакала, но немножко глаза у неё были на мокром месте. Смотрит на меня изучающее и улыбается. И говорит – не беспокойтесь, Женя, мы решили быть уволенными”.

Слушайте, это просто красиво. Это сильно: „Мы решили быть уволенными”. Это был почти героический поступок. Вот только женщина, которая ходила на фронте под пулями, смогла не убояться.

Утром начались неприятности. Приехали из ЦК с криком: „Кто пропустил, кто проморгал?” Но было уже поздно – газета вовсю, продавалась по киоскам.

„В течение недели пришло тысяч десять писем, телеграмм и радиogramм даже с кораблей. Распространилось стихотворение просто как молния. Его передавали по телефону. Тогда не было факсов. Звонили, читали, записывали. Мне даже с Камчатки звонили. Я поинтересовался, как же вы читали, ведь ещё не дошла до вас газета. Нет, говорят, нам по телефону прочитали, мы записали со слуха”, – говорил Евтушенко.

На верхах, конечно, отомстили. Против Евтушенко были организованы статьи. Косолапова уволили.

Евтушенко спасла реакция в мире. В течение недели стихотворение было переведено на 72 языка и напечатано на первых полосах всех крупнейших газет, в том числе и американских. В течение короткого времени Евтушенко получил около 10 тыс. писем из разных уголков мира. И, конечно, благодарные письма писали не только евреи. Далеко не только евреи. Поэма зацепила многих. Но и враждебных акций было немало. Ему выцарапали на машине слово „жид”, посыпались угрозы.

„Пришли ко мне огромные, баскетбольного роста ребята из университета. Они взяли меня добровольно охранять, хотя случаев нападения не было. Но они могли быть. Ребята ночевали на лестничной клетке, моя мама их видела. Так что меня люди очень поддержали, – вспоминал Евтушенко. – И самое главное чудо, позвонил Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Мы с женой сначала не поверили, думали, что это какой-то хулиган звонит, нас разыгрывает. Он меня спросил, не дам ли я разрешения написать музыку на мою поэму”.

...У этой истории хороший финал. Косолапов так достойно принял своё увольнение, что партийная свора перепугалась. Решили, потому он так спокоен, что наверняка за ним кто-то стоит. И через какое-то время его вернули и поставили руководить журналом „Новый мир”. „А стояла за ним только совесть, – подвёл итог Евтушенко. – Это был Человек”.

Александр СУСПЕНСКИЙ.

Почему евреи смотрят на ногти во время Авдалы?

Когда уходит Шаббат, во время Авдалы, мы говорим благословение над авдальной свечой, и по обычаю, поднимая руки, смотрим при её свете на свои ногти. Основная причина этого обычая заключается в том, что не следует произносить благословение на огонь, ЕСЛИ находишься недостаточно близко к его свету и не можешь отличить одну монету от другой. Но, не сделав Авдалу, нельзя брать в руки монеты. Поэтому придумали такой способ и постановили: вместо монет мы рассматриваем свои ногти в свете авдальной свечи, дабы удостовериться, что видна граница между ногтями и кожей. Выбор в пользу ногтей был не так уж прост.

Шаббат – это время, когда мы отдаляемся от суеты будней и стремимся вернуться к той духовной чистоте, в которой Адам пребывал в Ган Эдеме. Перед наступлением новой недели в Шаббат мы набираемся сил, а когда делаем Авдалу, смотрим на свои ногти, которые, кроме всего прочего, являются свидетельством сильного непрекращающегося благословения – они же никогда не перестают расти! И, глядя на них, мы молимся о том, чтобы браха такой же силы сопровождала нас в течение всей недели и несла процветание и успех. Но,

конечно, существуют и другие причины.

Согласно одному из Мидрашей, первоначально Адам и Хава были созданы так, что их кожа была покрыта „ногтевым слоем” – роговыми пластинками, благодаря которым они не нуждались в дополнительной одежде. Одна из причин, по которой мы произносим благословение над авдальной свечой, заключается в том, что, когда в результате грехопадения человека божественный свет перестал озарять мир, а солнце начало садиться и ознаменовало приближающийся конец Шаббата, впервые настала настоящая ночь. Это очень напугало Адама. Будучи изгнанным из Ган Эдема, он подумал, что эта тьма часть наказания и непременно поглотит его. Тогда Б-г сказал Адаму: „Возьми два камня и ударь их друг о друга” – и вспыхнул огонь. А когда при свете огня Адам посмотрел на себя, то увидел что „одежда”, покрывавшая его тело, похожая на ногти, исчезла, и единственное напоминание о ней осталось на пальцах рук и ног в виде ногтей.

Согласно одному из комментариев, первый огонь, высеченный Адамом, фактически вышел из-под его ногтей. Поэтому мы и смотрим на свои ногти, произнося благословение на огонь.

Некоторые объясняют, что по мере того, как мы приближаемся к началу будней, мы должны подготовить себя, чтобы снова начать бороться с негативом, агрессией, отвечать на вызовы судьбы. Негативную энергетику в теле человека часто связывают с ногтями (именно поэтому перед Шаббатом принято приводить их в порядок, а отстриженные кусочки необходимо выбрасывать в воду или сжигать). Когда мы смотрим на свои ногти в свете авдальной свечи, мы как бы „ослабляем” находящуюся в них энергию нечистоты благодаря святости.

Выше мы говорили, что ногти символизируют благословение, а теперь говорим о таящейся в них нечистоте. Как это можно понять? Напоминаю о грехе Адама, ногти символизируют то, что в одном даже таком маленьком творении, как ногти, могут сочетаться силы святости и нечистоты. Внутренняя часть ногтя, прилегающая к пальцу, олицетворяет чистоту той „ногтевой” оболочки человека, которая была ему дарована изначально, а внешняя, выходящая за пределы ногтевого ложа, говорит о том, что чрезмерный рост может привести к усилению развития недостатков, что похоже на грязь, которая скапливается под слишком длинными ногтями.

Национальный алейфбет

Кроме ногтей, смотрят ещё и на тень, которую пальцы отбрасывают на ладонь (но не на сами ладони), в линиях которой скрыто особое благословение. Поэтому обычай состоит в том, чтобы сложить пальцы таким образом, чтобы увидеть ногти и тени от них одновременно. Во многих общинах есть обычай после этого повернуть ладони тыльной стороной, распрямить пальцы и снова посмотреть на ногти, чтобы увидеть их снаружи.

Существуют разные обычаи относительно того, когда именно следует смотреть на ногти, до или после произнесения благословения. Споры на эту тему сводятся к тому, по какой причине произносят благословение. Если это благословение ради восхваления Вс-вышнего за природный феномен огня, то благословение должно быть после того, как мы посмотрим на огонь. Однако, если подразумевается извлечённая польза (как, например, в благословении перед едой), тогда сначала мы должны произнести благословение и лишь затем наслаждаться огнём и пользоваться его свойствами. Поэтому сейчас в общинах (в том числе и в Хабаде) распространён обычай: сначала сказать благословение, а потом уже посмотреть на ногти.

р. Йегуда ШУРПИН.

Мухаммед Асад: украинский еврей, который основал Пакистан

Биография Мухаммеда Асада читается как роман Александра Дюма. Это восточная сага о совершенно невероятных приключениях.

Всё началось во Львове (тогда в составе империи Габсбургов Австро-Венгрии). Мухаммед Асад родился 2 июля 1900 года, звали его Леопольд Вайс. Он родился в семье раввина, а позже стал важным исламским мыслителем 20-го века, лингвистом, переводчиком, социальным критиком, реформистом, дипломатом, политологом и теологом. В молодости, однако, он мало интересовался теологией и философией. «Действие, движение и приключения» были его движущей силой по жизни, как он пишет в своей автобиографии «Дорога в Мекку». В возрасте 14 лет он сбежал из дома, завербовавшись в австро-венгерскую армию под вымышленным именем. Его родителям удалось спасти его с поля боя как раз вовремя.

После окончания школы Леопольд Вайс отправился в Вену изучать психоанализ. «На самом деле идеи Фрейда опьяняли мой молодой ум, как крепкое вино», — писал Вайс. Он проводил бесчисленные вечера в городских кафе, с замиранием сердца прислушиваясь к разговорам Альфреда Адлера и других интеллектуалов. Однако «интеллектуальное высокомерие» этой молодой науки, которая предполагала проникновение в глубины человеческого разума, в конце концов оттолкнуло молодого человека.

Вскоре Вайс переехал в Берлин, где в начале 1920-х годов перепробовал ряд профессий. Он работал в качестве сценариста и помощника режиссёра мастера экспрессиониста Фридриха Мурнау. Именно здесь он нашёл свою первую сенсацию в качестве журналиста. Молодой Леопольд Вайс был добытчиком и искателем удовольствий, который шёл по жизни с наглостью и дерзостью. Однако под маской этой захватывающей жизни его сопровождало постоянное «цивилизационное недовольство».

Его книга «Дорога в Мекку» была впервые опубликована в оригинальной английской версии в 1954 году. Названная автором «своего рода автобиографией», она описывает Европу между двумя мировыми войнами, страдающую от «пустоты души» и «моральной нестабильности». «За фасадом порядка и организации Запада, доминирующей силой является этический хаос», — таков вердикт Вайса.

По воле судьбы дядя молодого человека, «ученик доктора Фрейда», который управлял приютом в Иерусалиме, пригласил его в Палестину. Здесь Вайс познакомился и полюбил арабскую и бедуинскую культуры. Он описывает их как «свободное человечество» и их «спокойное, гордое утверждение реальности и собственной жизни». Арабы, по его словам, это «люди, которые почитают друг друга и простые вещи в жизни». Его страсть разгорелась, Леопольд Вайс обратился в суннитский ислам в апреле 1927 года в Берлине Вильмерсдорф — первой в истории мечети Германии, назвав себя Мухаммед Асад. Он отпра-

вился путешествовать по всему арабскому миру, исследуя почти весь Восток. Наряду со своими путешествиями он стал одним из самых известных ближневосточных корреспондентов и экспертов в немецкоязычных странах.

Асад был убеждённым критиком сионизма. Он считал, что государство Израиль должно быть построено за счёт палестинцев. «Дорога в Мекку» описывает встречу и спор молодого Вайса с Хаимом Вейцманом, выдающимся лидером сионистского движения, в доме друга в Иерусалиме. Асад был впечатлён силой интеллекта Вейцмана и его огромной харизмой. Тем не менее, предмет разговора, пишет он, «побудил меня прорваться сквозь почтительное молчание, с которым все остальные присутствующие слушали его, и спросить: а как насчёт арабов?» ...по-видимому, тем самым потревожив великого архитектора еврейского государства, по крайней мере, по мнению самого Асада. Будучи твёрдым в своей позиции, но никогда не проявляя воинственного тона, Асад часто указывал на то, что неизбежная несправедливость, совершаемая в отношении палестинцев, приведёт к возникновению конфликта, который будет оставаться источником проблем для региона на протяжении последующих поколений.

После своего хаджа (паломничества) в Мекку в 1927 году, Мухаммед Асад поселился в Саудовской Аравии на несколько лет, став близким доверенным лицом и личным другом короля Ибн Сауда. Асад писал, что после их первой встречи король посылал за ним каждый день. Ибн Сауд даже разрешил Асаду посетить область Наджд (в компании короля), что было строго запрещено для иностранцев в тот период. Несмотря на близость к Дому Сауда, Асад задаёт критический тон в отношении ваххабизма: «Как только последователи Мухаммеда Ибн Абдал Вахбаба достигли власти, его идея превратилась в ничто, ибо дух не может быть слугой власти, а власть не хочет быть слугой духа», — писал Асад.

Асад продолжает: «История Вахбаба Наджа — это история религиозной идеи, которая сначала поднялась на крыльях энтузиазма, а затем опустилась в низины фарисейского самодовольства. Ибо всякая добродетель уничтожает себя, как только она перестаёт быть смиренным».

Мало кто объединил *vita contemplativa* (созерцательную жизнь) и *vita activa* (активную жизнь) с такой же силой, с какой сделал это Мухаммед Асад. Блестящий ум в своём собственном праве, он также, например, сражался с итальянскими фашистами в Ливии, бок о бок с Сиди Мухаммедом (который позже стал королём Ливии Идрисом I), буквально прячась в песке, контрабандой направляя оружие борцам за свободу, пули летали над его головой, товарищи умирали слева и справа.

В то время как европейские солдаты насиловали, грабили и убивали в ливийских городах и деревнях, Мухаммед Асад и мусульманские бойцы ордена Сенусси боро-

политик Мухаммед Икбал.

Как австрийский гражданин, однако, он был интернирован британцами на период Второй мировой войны. После освобождения его попросили помочь основать государство Пакистан, что он и сделал. Асад принимал участие в разработке конституции Исламской Республики, а затем отправился в Нью-Йорк в качестве первого посла Пакистана в ООН.

Асад посвятил остаток своей жизни творчеству и публикации. Он стал одним из самых значительных исламских авторов своего времени, написав книги и многочисленные очерки по исламскому мировоззрению, его праву и философии. Его *opus magnum* — это комментарий к английскому переводу Корана.

Однако к концу своей жизни Асад разочаровался в состоянии исламского мира, в его добровольной интеллектуальной изоляции и нетерпимости к экстремистам. Он считал, что «эта чудесная религия» не заслуживает своих последователей. Его труды были сожжены публично во время его пребывания в Марокко — это одна из причин его возвращения в Европу. Мухаммед Асад умер в испанской Андалусии в 1992 году.

Замечательные рассказы Асада о том, как он нашёл веру через критическое, рациональное мышление, делают его «Дорогу в Мекку» увлекательным чтением. Его заявление о том, что каждая религия может остаться в живых только в том случае, если она свободно найдёт своё место и своё время, делает его герменевтиком ислама.

Асад занимает противоречивую позицию против многовековой традиции исламских школ права, вместо этого он опирается на более рационалистическую традицию Мутазилитов. Он показывает пример того, как можно воплотить в жизнь свободно живущую веру в настоящее время, оглядываясь на её первоисточники. Это урок не только для мусульман.

Льюис ГРОПП.

Мало кому известно, что великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин оказал существенное влияние на формирование и развитие еврейской литературы на иврите. Ведь ещё задолго до появления на карте Государства Израиль русская литература находилась на особом счету в еврейском ишуве (населении) Палестины.

После Первой мировой войны и революции многие евреи покинули Россию и переехали в Палестину, где на тот момент после турецкой установилась британская власть. Благодаря значительному числу русскоязычных еврейских иммигрантов в 20-х годах прошлого столетия, Тель-Авив превратился в крупный центр русской культуры наряду с Парижем, Берлином и Прагой. К началу Второй мировой практически вся тель-авивская литературная интеллигенция говорила на русском языке.

До сих пор русскоязычная литература в Израиле издаётся больше, чем даже в бывших советских республиках, за исключением России, конечно. Важно также отметить существование огромного числа переведённых на иврит классических и современных произведений русских авторов.

По мнению профессора Г. Шакеда, именно русская литература стала главным источником развития литературы на иврите. Благодаря переводам русских классиков словарный состав иврита был существенно обогащён. Особое место здесь занимают произведения Александра Сергеевича Пушкина.

Первое переводное произведение Пушкина вышло в свет в 1847 году. Леон Иосифович Мандельштам — первый еврей, который смог получить высшее гуманитарное образование в России, стал автором перво-

Ай да Пушкин, азохен вей!

го учебника по русскому языку и переводов произведений Пушкина.

В Варшаве в 1879–80 гг. появилось на свет книжное издание произведений Пушкина на иврите. Немало произведений было издано также и на идиш: поэма «Полтава» (1918 г.) и «Евгений Онегин» (1919 г.) были переведены А.И. Гродзенским. Практически все из основных произведения Пушкина были переведены на идиш.

Катастрофа европейского еврейства и последовавшая за ней антисемитская политика Сталина свела ивритские переводы Пушкина на нет.

К столетию со дня смерти Александра Пушкина два издания «Евгения Онегина» в переводе А. Левенсона и А. Шленского появились в Иерусалиме. Причём переводы Авраама Шленского принято считать классическими. Сам Шленский родом из Украины (местечко Крюково близ Кременчуга), он свободно владел русским, идиш, французским и английским. Однако больше всего он любил переводить с русского, а особенно Пушкина. Его переводы сохранили рифму, композицию и ритмический нюанс пушкинских произведений.

Известный советский критик А. Белов высоко оценил переводы Шленского, которые внесли огромный вклад в израильскую культуру. Переводы Авраама Шленского включены в обязательную школьную программу даже для израильтян, не владеющих русским.

Ивритская, да и идишская поэзия также, во многом обязаны Пушкину. Так, в произведениях еврейских поэтов Давида Гофштейна, Переца Маркиша, Лейба Квитко,

Шаула Черняховского можно услышать пушкинские нотки.

Сам же Александр Сергеевич также не был безразличен к еврейской тематике. Он написал стихотворение «Пророк» по мотивам библейской книги Исайи, а позже вышло его стихотворение «В еврейской хижине лампада». У Пушкина было и неоконченное произведение «Юдифь».

Пушкина интересовала Земля Обетованная, и он мечтал когда-нибудь посетить её. Когда декабрист Александр Николаевич Муравьев, посетивший Палестину, подарил

поэту свой труд под названием «Путешествие по Святым местам», Александр Сергеевич ему написал: «С умилением и невольной завистью прочёл эту книгу».

Более того, в своей записной книжке Пушкин на двух листках нарисовал ивритские буквы. Как оказалось, поэт всерьёз решил обучиться ивриту, чтобы, как утверждает русский фольклорист и археограф Пётр Васильевич Киреевский, перевести библейскую книгу Иова.

Нет ничего удивительного в том, что в 1956 году одну из улиц Яффо назвали в честь Александра Сергеевича Пушкина.

Адель КЕРНЕС.

Дневник смерти

Август 1942 года, свеча тускло освещает чердак дома бывшего царского офицера, где 15-летний Ромка пишет дневник. В нём всё про смерть: „вчера расстреляли пять тысяч евреев“, „видел человека, который по дороге к яме жевал хлеб“, „милиционеры за минуту выпивают литр, но тут же трезвеют от ужасного зрелища“. Через три года этот дневник станет одним из доказательств зверств нацистов на Нюрнбергском процессе. К тому моменту Ромка уже год, как будет воевать сам, пообещав отомстить за смерть любимой девочки Фриды.

Свой дневник он начал вести в 15 лет. На первый взгляд, ничего необычного, ведь в подростковом возрасте почти все начинают вести личные записи. Пишут о первых секретах от родителей, первой влюблённости и сопутствующих ей переживаниях. Разница была только в том, что этот мальчик описывал смерть – повседневную обыденность его жизни. Для украинского городка Кременец во время трёхлетней его оккупации фашистами смерть стала явлением будничным.

И вот все эти три страшных года юный мальчишка вёл свой дневник втайне: уединялся от в комнате, дожидаясь, когда все уйдут, а порой и вовсе писал лишь при тусклом свете свечи в тёмном подвале или на чердаке. Такое занятие вполне могло закончиться трагически, и он это прекрасно осознавал, несмотря на свой юный возраст. Впрочем, каждая строка в этом дневнике свидетельствует, что писал его уже не просто мальчик Ромка, а Роман Александрович Кравченко-Бережной. Взросление произошло молниеносно: рассудительность в оценке происшедшего, ненависть к врагам, клеймение позором их приспешников и стыд за людей. За тех из них, кто с безразличием, а порой и злорадством наблюдал за убийствами евреев. В августе 1942 года в Кременце было убито более десяти тысяч евреев. Через три года после этого дневник Романа Кравченко признают историческим свидетельством и используют в качестве доказательства зверств нацистов на Нюрнбергском процессе. Для самого же Романа Александровича читать и вспоминать об этом было всегда мучительно трудно, ведь среди жертв трагедии была и его первая любовь – светловолосая девочка-еврейка с „серьёзными тёмными глазами“ и „гордо поднятой головой“.

Возможно, даже не стоит пытаться пересказывать описанные автором события – лучше просто привести запись из дневника. „11 августа. Пишу о вчерашних событиях. Вчера не мог, не был в силах. За вчерашний день расстреляно около пяти тысяч человек. У нас за городом – старый окоп длиной около километра. Окоп Ягутского полка, стоявшего в нашем городке при царе. Там производят экзекуцию. Вывоз из гетто начался приблизительно в три часа утра и продолжался до поздней ночи. Ужасное зрелище! Ворота гетто широко открыты, и за ними – очередь обречённых, по двое в ряд. Подъезжает автомобиль, очередь в молчании подвигается, первые пары укладываются на дно грузовика, следующие – на них, так – в несколько слоёв. Полное молчание – ни говора, ни крика, ни плача. Пьяные в стельку шуцманы подгоняют отстающих прикладами, ими же утрамбовывают лежащих в грузовике. Грузовик отъезжает, даёт газ и мчится за город. Навстречу едут такие же грузовики с высокими дощатыми бортами, наполненные одеждой. На ней сидит „милиционер“, с довольным видом играет дамским зонтиком. Вид у него довольный недаром: полные карманы часов, пять вечных перьев, несколько костюмов и каракулевое пальто он оставил по дороге в надёжном месте. Кроме того, он выпил уже, по крайней мере, литр. Грузовик мчится за город. Четыре шуцмана, стоящие по углам, то и дело матерятся и опускают приклады на спины лежащих. И вот место назначения. Грузовик останавливается, обречённые сходят, раздеваются тут же, мужчины и женщины, и по одному движутся ко рву. Ров наполнен телами людей, пересыпанными хлорной известью. На валу сидят два раздетых по пояс гестаповца, в руках пистолеты. Люди спускаются в ров, укладываются на трупы. Раздаются выстрелы. Всё кончено. Следующие!“

Не знаю, что может чувствовать человек в свою последнюю минуту, не хочу думать, можно сойти с ума. Были такие, кто пробовал сопротивляться, не хотел раздеваться, не хотел входить в ров. С ними кончали на месте и сбрасывали в яму. Видел и человека, который, направляясь к яме, жевал хлеб. Милиционеры, единственные непосредственные свидетели всего этого, после нескольких минут пребывания там трезвеют. Их заряжают новой порцией алкоголя. Гестаповцам заряжаться не надо. Им это не впервой. Они забрасывали ещё живых людей гранатами в ямах в Ровно и наблюдали потом, как земля двигалась под напором шевелящихся тел, это на них не дейст-

вовало. Они расстреливали бесконечные ряды людей, выстроенных над дорожными рвами в Киеве. Они перед погромом в Дубно отделили всех специалистов, предложили им выбрать по одному ребёнку из своих детей и возмутились, впадали в бешенство, когда эти несчастные отказывались работать, прося, чтобы их расстреляли вместе с семьями.

Один за другим едут автомобили. Уже вечер, они не так наполнены – на дне сидят женщины, девушки, дети. Одна бессмысленно улыбается. Другая поправляет платочек на голове. Да вы же через десять минут будете убиты, поймите это, сопротивляйтесь, наконец!!! Нет. Люди в апатии, лишь бы скорее кончилось, лишь бы скорей. Так действуют голод, побои.

Вот едет Арек З., мой приятель. Сидит с краю, голова опущена за борт машины, он смотрит на камни мостовой, мелькающие под колёсами. Каждый камень – ближе к цели, ближе к концу жизни человека, не видевшего ещё жизни. Я не забуду его лицо – лицо человека, который знает, что через несколько минут будет мёртв, а через час его тело, разьедаемое хлоркой, будет покрыто ещё несколькими слоями тел. Надо быть в положении этих людей, чтобы пережить всё то, что чувствовали они, по крайней мере, те из них, кто мог ещё думать и чувствовать. Сегодня гестапо уехало в Почаев и Вишневец. Там сегодня происходит то же, что у нас – вчера“.

Так был описан первый день трагедии в дневнике Романа Кравченко. И это был далеко не последний день, когда в грузовиках из гетто людей тысячами вывозили на смерть. Рома провожал взглядом каждый из них, и, судя по записям, у него не было „сочувствия“, была скорее огромная боль. Боль за каждого из тех, кого он провожал взглядом на гибель. А ещё в нём теплилась надежда. Надежда на то, что скоро придут большевики (новости с полётов сражений он получал через самостоятельно собранный радиоприёмник, что каралось смертью) и очередной грузовик не успеет вывезти из гетто Фриду. Последний предвоенный год они сидели в школе за одной партией. И лучшими воспоминаниями Ромки было то, как она случайно касалась его руки своей. „Родители её, конечно, не запрещали нашего общения, но и не приветствовали. Такие ортодоксальные евреи были...“ – вспоминал Роман Александрович. Но зато вот его отец не только не запрещал мальчику встречаться с Фридой, но поощрял их общение. Особенно тогда, когда каждого еврейского жителя обязали носить жёлтые нашивки и горожане попросту стали отворачиваться от них.

По воспоминаниям Романа Александровича, понять этого его отец – офицер бывшей царской армии, которому два года Первой мировой принесли шесть орденов, шесть ранений и инвалидность к 22 годам – просто не мог. Как и его сын. Ромка был одним из немногих, кто не скрывал своего общения с евреями и открыто защищал их. Беря за руку Фриду, он не только не обращал внимания на презрительное: „Смотри, с жидовкой идёт“, но и вступал в кулачный бой со сверстниками, которые вслед за родителями повторяли обидные высказывания. Ромка часто писал в своём дневнике, насколько страшно смотреть на взрослых, возраст которых никак не указывался на мудрости, а стадный инстинкт или страх уничтожал в них всё человеческое. Писал он и о своей вере в победу и скорейшее бегство немцев. Всё это, как известно, случится, но уже после того, как в одном из грузовиков он увидит Фриду.

„19 августа. Сегодня везли Ф. Не могу отдать себе отчёта в моих чувствах. Очень тяжело, стыдно. За людей, которые смотрят на это с безразличием или злорадством. „Что, он жалеет жидов? Идиот!“ Чем Ф. хуже вас? Да она в

Еврейская майса

десять раз превосходит тебя, одного с другим, во всех отношениях! Единственная девочка, с которой я был всегда искренен, а так отродно иметь друга, который понимает тебя и соглашается с тобой. Она была хорошей девочкой и храброй. Она ехала стоя, с гордо поднятой головой. Это было полчаса назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года – я уверен, она и умирая не опустит голову. Когда пишу, из тюрьмы доносятся выстрелы. Вот опять! Может быть, он был предназначен Ф.? В таком случае ей теперь лучше. Нет, ей теперь никак. Не могу представить: Ф. раздетая, тело засыпано хлоркой. Раны. Привалена кучей таких же тел. Ужас, какой ужас! Ф., знай, я помню тебя, и не забуду, и когда-нибудь отомщу!“

Через несколько дней, когда фашисты стали продавать вещи убитых, на страницах дневника появилась „единственная мечта“ – „получить в руки автомат“. И после того как Советская армия освободила в марте 1944-го Кременец, мечта эта осуществилась. Рома взял в руки автомат и, несмотря на имевшуюся у него бронь (освобождение от призыва в армию – ред.), присоединился к войскам, в рядах которых брал Берлин. Зная, что может погибнуть во время боёв, он сообщил в письме отцу, где спрятал дневник. Отец, прочитав, передал дневник в Чрезвычайную комиссию по расследованию преступлений нацистов.

В 1946 году дневник прислали родителям со следующим сопроводительным письмом: „Задержка с возвращением Вам дневника вызвана обстоятельством, связанными с Нюрнбергским процессом. С благодарностью возвращаем дневник Вашего сына. Ответственный Секретарь Чрезвычайной Государственной Комиссии (П. Богоявленский)“.

Дневник был передан отцом в краеведческий музей Кременца, где он хранится и поныне. Сам Роман Александрович Кравченко-Бережной защитил диссертацию, стал кандидатом физико-математических наук, написал на основе своего дневника документальную повесть и ушёл из жизни в мае 2011 года.

На презентации книги его спросили, зачем же он всё-таки отклонил бронь и пошёл в армию, на что Роман Александрович, не задумываясь, ответил: „Вы же понимаете – мне было за кого мстить“.

Алексей ВИКТОРОВ.

Пока верстался номер

Уже более трёх месяцев длится карантин, который нарушил многие наши планы (как личные, так и общественные). Большая часть общественной жизни теперь перешла в Интернет и проходит он-лайн: литературные и музыкальные клубы, мастер-классы (даже кулинарные), встречи с интересными людьми и многое-многое другое.

Перешли в Интернет теперь и Каббалат Шаббаты. И тут мы выяснили, что если для молодого и среднего поколения принять участие в них было не сложно, то с подопечными Хэсэда возникли определённые проблемы. Однако, на сегодняшний день, усилиями сотрудников Общественных и клубных программ Хэсэда и волонтеров, уже более 20 подопечных Хэсэда научились пользоваться программой Zoom и с радостью участвуют в Шаббатах.

Но во время видеосеансов мы увидели, что не у всех из них на столе есть необходимые для Шаббата атрибуты – шаббатные свечи, халы, виноградный сок. „Волонтерский центр“ во главе с Ксенией Лозой взял заботу об этом на себя. 19 июня более 10 наших подопечных получили халы и сок, чтобы полноценно провести церемонию Каббалат Шаббат. Доставкой шаббатных наборов с соблюдений всех карантинных условий занимались волонтеры.

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

 Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.

Редактор **М. Тайбишлак**. Компьютерная вёрстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.

Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.

Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.

☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.

e-mail: ineinem20@gmail.com <http://hesed-dorot.ck.ua>

Отпечатано в типографии г. Черновобай. Тираж 800 экз.

Подписной индекс 90781.

При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.